

Подстрочник дружбы

Раз в год, во время Международной книжной выставки-ярмарки, в Минске собирается белорусско-российско-украинский семинар по сравнительному переводу современной поэзии «Шкереберть» (по-украински значит «кувырком»). Зачем собираются переводчики? Нужен ли

перевод с близких языков, если и так все понятно? И все ли в порядке с переводческой школой в странах, вышедших из СССР? Об этом наш разговор с руководителем семинара, заведомом поэзии журнала «Дружба народов» Галиной Климовой.

Галина Даниелевна, ваш семинар – то место, где просто купаешься в красотах белорусско-русско-украинской грамматики, всех этих метафорах, аллюзиях, ассонансах и аллитерациях. Какая у него задача?

Галина Климова: Поддерживать культурный диалог. Студия сравнительного поэтического перевода работает четвертый год. В Минск приезжают не просто переводчики, а поэты. В основном молодежь. Мы начали с переводов украинского поэта Василя Стуса. Невероятно талантливый человек, диссидент, отсидевший в лагерях, очень пострадавший от советского режима, стал национальным классиком при жизни. Студийцы перевели несколько его стихотворений. Обсудили удачи и неудачи, стараясь добраться до наиболее точного, и стилистически, и по сути, перевода. Переводить на родственный язык очень непросто. Нужно или идеально знать язык, или иметь надежный подстрочник. Ну и талант с интуицией, конечно.

В прошлом году студийцы переводили современных белорусских поэтов. В этом году – украинских. Атмосфера семинара «Шкереберть» очень теплая, творческая. Вы много шутите, не

возбраняется критика, украинские переводчики зорко следят за тем, чтобы не потерялась мелодичность и «мистическое звучание» мовы, не было отступлений от смысла... Но все же почему за четыре года существования студии не было переводов на русский? Он не менее поэтичен, чем родственные белорусский и украинский...

Раз в год, во время Международной книжной выставки-ярмарки, в Минске собирается белорусско-российско-украинский семинар по сравнительному переводу современной поэзии «Шкереберть» (по-украински значит «кувырком»). Зачем собираются переводчики? Нужен ли перевод с близких языков, если и так все понятно? И все ли в порядке с переводческой школой в странах, вышедших из СССР? Об этом наш разговор с руководителем семинара, заведомом поэзии журнала «Дружба народов» Галиной Климовой.

Галина Даниелевна, ваш семинар – то место, где просто купаешься в красотах белорусско-русско-украинской грамматики, всех этих метафорах, аллюзиях, ассонансах и аллитерациях. Какая у него задача?

Галина Климова: Поддерживать культурный диалог. Студия сравнительного поэтического перевода работает четвертый год. В Минск приезжают не просто переводчики, а поэты. В основном молодежь. Мы начали с переводов украинского поэта Василя Стуса. Невероятно талантливый человек, диссидент, отсидевший в лагерях, очень пострадавший от советского режима, стал национальным классиком при жизни. Студийцы перевели несколько его стихотворений. Обсудили удачи и неудачи, стараясь добраться до наиболее точного, и стилистически, и по сути, перевода. Переводить на родственный язык очень непросто. Нужно или идеально знать язык, или иметь надежный подстрочник. Ну и талант с интуицией, конечно.

В прошлом году студийцы переводили современных белорусских поэтов. В этом году – украинских. Атмосфера семинара «Шкереберть» очень теплая, творческая. Вы много шутите, не возбраняется критика, украинские переводчики зорко следят за тем, чтобы не потерялась мелодичность и «мистическое звучание» мовы, не было отступлений от смысла... Но все же почему за

четыре года существования студии не было переводов на русский? Он не менее поэтичен, чем родственные белорусский и украинский...

Галина Климова: Вы правы, пока игра идет в одни ворота. Мы надеемся, что все-таки сможем заинтересовать наших коллег, и они переведут стихи русских поэтов на свои языки. Нет, мы не заискиваем перед ними. Мы показываем, что дружелюбны, открыты и готовы к сотрудничеству. Россия вкладывается в то, чтобы поддерживать отношения с деятелями культуры и литературы соседних стран. Но всегда хочется взаимности. Кстати, один из следующих выпусков литературного альманаха «Terra poetika», который выходит в рамках «Минской инициативы», будет посвящен переводу.

Новое поколение не знает русского так хорошо, чтобы переводить художественную литературу

А нужен ли этот перевод? Во время презентации «Terra poetika» на Минской книжной ярмарке каждый говорил на своем родном без всяких переводчиков. Правда, я поняла только половину, но это, наверное, моя личная проблема?

Галина Климова: Мне кажется, это проблема роста. Как пубертат, который нужно пережить всякому молодому человеку, чтобы стать личностью, обрести самоидентификацию не только национальную, но и культурную. Я все время думаю, если бы писатели из Киева приехали на выставку в Лондон, на каком бы языке они говорили? Понятно, что нужен один рабочий язык. Ответ на вопрос, какой именно, для наших коллег с Украины и из Беларуси, насколько я понимаю, очень болезненный. Можно было бы, например, обсуждать переводы со славянских языков, например, по-английски...

Чтобы довести ситуацию до абсурда?

Галина Климова: Здесь надо действовать как терапевты: осторожно, без резких движений. Методы хирургов не подходят. А время всех успокоит и примирит.

С вашей точки зрения, все ли в порядке с переводческой школой в странах, вышедших из Советского Союза?

Галина Климова: В советское время была очень сильная школа

перевода с языков СССР. Традиция у нас колоссальная. Но, к сожалению, она во многом потеряна. Старшее поколение переводчиков ушло. А молодое не торопится подхватить у него эстафету. И эта «пробоина» болезненно ощущается поэтами и писателями, которые живут в бывших союзных республиках. Хотя много сегодня говорят о русскоязычном культурном пространстве, но оно с большими «озоновыми дырами». Новое поколение в некоторых близких странах не знает русского языка на том уровне, чтобы переводить художественную литературу. Скажем, в Армении таких переводчиков можно пересчитать на пальцах одной руки. У нас в редакции пять лет лежит роман одного прекрасного армянского прозаика в трех вариантах перевода. Ни один из них нельзя напечатать, потому что это что угодно, но не его замечательная, знакомая российским читателям проза. С Грузией такая же история. В Узбекистане мы не найдем человека, который качественно бы перевел узбекский роман на русский язык. Есть несколько человек, но они живут в Москве и сохраняют свой узбекский. В Туркмении и Таджикистане огромные переводческие потери... В этих странах практически закрыта дорога к русскоязычному читателю. А это большая аудитория. Причем любящая читать. Во времена, когда массово переводилась литература советских республик, через нее национальные писатели получали выход в Европу, к англичанам, французам, немцам. Был стимул заниматься этой профессией. Через русский язык – в Европу и мир. Такая была схема. Она развалилась. Теперь журнал «Дружба народов» поддерживает писателей, которые живут в ближнем и дальнем зарубежье и пишут по-русски. И им там очень тяжело.

Не так давно при поддержке Роспечати вышла в свет толстая антология переводов на русский язык современной поэзии народов России. Не поленилась подсчитать – с 57 языков. Но в России около 150 языков, а с учетом диалектов все 300. Литературных переводчиков на эти языки хватает? Судя по сайту Литературного института имени Горького, там сегодня обучают переводу только с пяти языков народов России: бурятского, якутского, башкирского, татарского, удмуртского...

Галина Климова: К сожалению, и тут большие потери. А жаль. Весь декабрьский номер журнала мы сделали якутским. Прекрасная поэзия, магическая, шаманская. Очень интересная проза, особенно исторические романы.

Елена Новоселова

